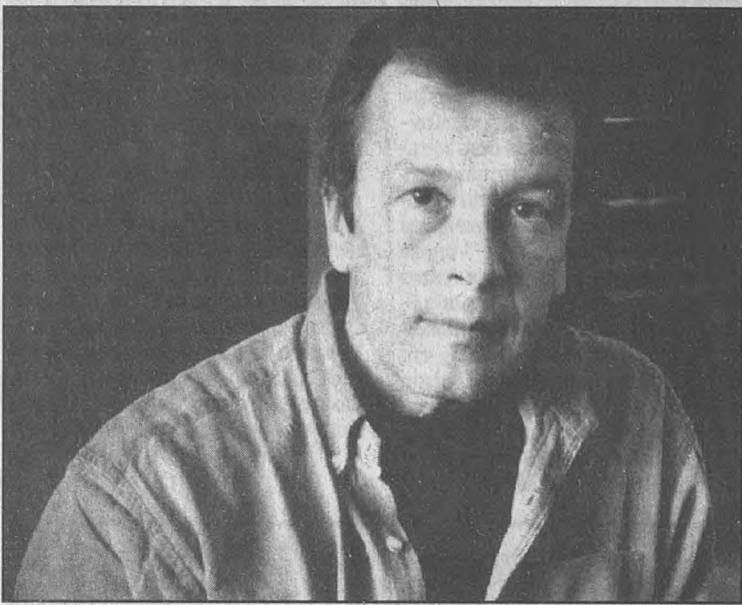

Виктор ЕРОФЕЕВ: МЕНЯ НАЗЫВАЮТ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЧУБАЙСОМ

Веч. клуб. - 1999. - 23 янв. - 45.

«Мужчины», сборник эссе Виктора Ерофеева, выдвигался на Букеровскую премию в этом году. Правда, в шорт-лист не попал. А писатель тем временем издал роман «Пять рек жизни», который стремительно вошел в десятку самых покупаемых в Москве книг.

животных, — это способность читать. Все остальное сближает.

— Как реагируют люди на ваши достаточно жесткие, шокирующие романы?

— Одна женщина из провинции говорила, что, если читать Ерофеева как реалистического писателя, мороз по коже идет и зарождается отвращение. А если принять то же самое, как игру, модель, символ, как Сальвадора Дали, тогда все понятно. Вот так и должно идти восприятие: от раздражения к пониманию. А вообще литература — игра, и давайте играть в нее вместе.

— Есть у вас роман о современной женщине. Есть книга эссе о мужчинах. А о детях нет желания написать?

— Что касается моего детства, кусочек его я описал в рассказе, который называется «Дядя Слава». Был у меня в детстве фирменный норвежский транзистор. Население удивлялось, что он без проводка, а работает. И Молотов, который жил неподалеку от нашей дачи, стал ходить ко мне каждый вечер, садился на скамеечку, и мы слушали с ним «Голос Америки». Причем страшно глушили, и он, который, может быть, сам приказал когда-то глушить, страдал теперь от этих глушилок.

— Есть разные типы писателей: лирики, учителя жизни, рассказчики... А есть писатели-provokatory. Такие люди необходимы, на мой взгляд, литературе, как Жириновский — политике. Это я про вас. Не обиделись?

— Чего уж там. Я слышал и не такие сравнения. Меня называли даже литературным Чубайсом.

— Почему?

— Откуда я знаю. Но хотелось бы раз и навсегда покончить с этим вопросом. К провокациям не стремлюсь, просто с самых первых рассказов мне хотелось работать на подкорку читателя. А сегодня вдвойне хочется, потому что слишком много стало вокруг текстов, перебор информации. И восприятие, естественно, притупляется от всего этого, человек перестает элементарные вещи слышать. Сказать «я люблю вас» сегодня все равно, что спросить человека, не применит ли ему шок, что угодно можно писать — все будет напрасно.

— Да уж, с шоком у вас все в порядке. Литературная общность напряженно воспринимает иные ваши писания. «Страшный Суд» и «Русскую красавицу», например.

— Это несерьезно вы говорите. Снобизм — вообще не лучшая черта русской интеллигенции. На самом деле все решают читатели. А «Русская красавица» переведена на 27 языков. Общий тираж ее сейчас пятьсот тысяч. Побольше, чем у Марининой, на которую плевать литературной общественности. «Красавица» вообще изменила мою жизнь. Я понял, что нет смысла в соблюдении табу. Любых, в том числе продиктованных национальным менталитетом: в сексуальной сфере, исторической, религиозной. Но тратить жизнь на их разрушение тоже нет никакого смысла. Шок, о котором я говорю, имеет эстетическую природу. Человека шокирует новый взгляд на себя и окружающий мир. Возникает шестое, седьмое, восьмое чувство или, наоборот, исчезают те, которые были. Вот по этим причинам, я думаю, книга стала популярной на Западе. Взять, к примеру, Голландию. Там разрешена проституция. Наркотики — без проблем. Так что провоцирую, не провоцирую. Кого там удивишь голой задницей?

— В статье «Поминки по советской литературе» вы писали когда-то, что литературы у нас нет. Есть писатели, а литература отсутствует. То есть «рок-н-ролл мертв, а мы еще не в», как пел Гребенщиков в свое время. Ну с рок-н-ролом понятно, а вот кто остался в живых?

— Те, кто остался, собраны в антологию «Русские цветы зла», которую я составил в прошлом году. От Шаламова до Пелевина — вот спектр русской литературы зла. Несмотря на то, что наша жизнь полна издевательств и безумия, у нас очень приличная литература. Она, конечно, несравнима с Серебряным веком по количеству имен, но по силе писательских талантов не уступает. Нам есть, чем гордиться. Наши писатели глубоко заглянули во внутреннее зло человека.

— Какую музыку вы предпочитаете?

— Ту, что дает мне энергию. Я вообще за синтез искусств: живописи, литературы и музыки. Они обогащают друг друга. Так получилось, к счастью, и с оперой Шнитке по моему рассказу «Жизнь с идиотом». Что касается рок-н-ролла, то он, как и литература, не умер, а просто изменил свои формы. Ведь умирают по большому счету лишь мода и ка-

кие-то внешние проявления. Суть же всегда остается.

— Существуют ли литературные поколения?

— Нет, это понятие изобрели начинающие писатели, чтобы легче было внимание к себе привлечь. У меня тоже была когда-то такая иллюзия, что возраст диктует литературную общность. Только юный возраст ее диктует, а потом каждый должен определиться, выбрать свой путь. Вот шестидесятники, скажем, затянули со своим поколением и стали пародией на литературу.

— «Пять рек» напомнили мне вольтеровского «Кандида».

— Что ж, может быть.

— Так выходит, вы гуманист?

— Ой, больше всего у нас в стране напутано с гуманизмом. Гуманисты — это те люди, которые работают по формуле Базарова: человек хорош, обстоятельства плохи, среда заела. Давайте, мол, поменять обстоятельства, и все образуется. Но мы столько раз меняли обстоятельства, режимы, экономические системы, а ничего не выходит. Мне кажется, что к человеку стоит относиться более сложно.

— Вы любите давать интервью?

— А кто же не любит? Но каждый раз журналисты допускают ошибку. Одну и ту же: мои слова считают истиной в последней инстанции. Такое впечатление, что я вещаю о судьбах мира, открываю людям глаза. Все уверены, что я знаю, как надо жить. Но это не так. Я могу лишь сказать: мне кажется...

Встречался
Ян ШЕНКМАН

— Ваше путешествие по пяти рекам реальное или виртуальное?

— Трудно сказать. Грань между фикцией и нонфикцией достаточно тонкая. На одну из рек я даже не хотел ехать. Хотел написать, но не ехать. Однако любопытство оказалось сильнее литературного замысла. Я понял в этой поездке вещь, которая меня потрясла: боги в конце века устали. И грядет, видимо, новый Бог. Он будет один, но не только в метафизическом смысле, как понимают это монотеисты, а и в этнографическом, территориальном. Ведь конфессиональная разница возможна лишь когда от одной церкви до другой — месяц езды. А как быть, если на одной странице в Интернете католики, а на следующей — буддисты? Все сливается, вливается в одно информационное поле.

Может ли православный человек стать буддистом и понять буддизм, как мой друг Боря Гребенщиков? Или это неправильно? Я искал ответ на целый комплекс вопросов. Но был и познавательный интерес. На границе между Нигерией и Бенином я попал в центр религии вуду и описал это в книге. Открыл на Нигере поразительную культуру дагон, почти неизвестную европейцам. Много разного было.

— Нигер, Ганг, Миссисипи, Рейн, Волга — все перетекают друг в друга?